

Д.О. РАСТЕГАЕВ*

**МЕСТО АНТИПАМЯТИ:
НАРРАТИВ О СРЕБРЕНИЦЕ В СТРУКТУРЕ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РЕСПУБЛИКИ СЕРБСКОЙ¹**

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка проследить «археологию» дискурса о «геноциде в Сребренице», а также дана оценка степени значимости памяти о Сребренице в «биографии» Республики Сербской (и Сербии). «Западный» вариант рассмотрения событий в Сребренице содержит определение «геноцид», окончательно оформившееся в приговорах и вердиктах Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), а также оценку количества жертв военного преступления – 8 тыс. человек. Дискурс о «геноциде в Сребренице» стал также политическим рычагом Европейского Союза на пути к принятию в свои ряды стран Западных Балкан. Несмотря на это, «западный» взгляд на трагедию в Сребренице в настоящее время активно и целенаправленно отрицается в Республике Сербской (и Сербии). Нами сделан вывод о том, что Бая-Лука (и Белград) проводят политику представления Сребреницы в качестве «места антипамяти»: контрнарратив (оспаривающий «западную» точку зрения) стал полноценным объектом секьюритизации, а идея об «отрицании геноцида» – объектом онтологической безопасности Республики Сербской и Сербии. В статье приведены причины, объясняющие переход к подобному типу «политики памяти», а также сделан вывод о масштабах конфликтности, скрывающейся в возможной «дилемме мнемонической безопасности» вокруг дискурса о Сребренице. Усилиями

* **Растегаев Даниил Олегович**, студент магистратуры факультета мировой политики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; лаборант Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: rastegaev.2000@mail.ru

¹ Статья отражает результаты исследования по проекту № 22-28-00726, проводимому в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Российского научного фонда.

элит Республики Сербской (в особенности М. Додика) и Сербии события 1995 г. в Сребренице оказались вписанными в нарратив о «виктимности» сербов: память о военных преступлениях, совершенных сербами, замещается артикуляцией эпизодов, связанных с военными преступлениями, совершенными против сербов. При этом сюжет о Сребренице также выступает в качестве политического рычага Бая-Луки на пути к достижению большей степени независимости от Сараева.

Ключевые слова: онтологическая безопасность; секьюритизация; Сребреница; геноцид; Республика Сербская; Сербия; ЕС.

Для цитирования: Растегаев Д.О. Место антипамяти: нарратив о Сребренице в структуре онтологической безопасности Республики Сербской // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 315–337. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.14>

V l a d i m i r : Suppose we repented.

E s t r a g o n : Repented what?

S. Beckett. *Waiting for Godot*

Э л е к т р а : Изволь, молись. И вообще довольна

Ты будешь мной: отныне я молчу.

Софокл. *Электра*

Распад социалистической Югославии сопровождался чередой этнических конфликтов и кровавых инцидентов, в ряду которых трагедия в Сребренице – массовое убийство около 8 тыс. боснийских мусульман, преимущественно мужчин и мальчиков, – выделяется особо как событие, высветившее поистине примордиальную жестокость противоборствующих сторон. На протяжении 25 лет, прошедших с 11–13 июля 1995 г., не утихают споры о допустимой интерпретации случившегося: количестве жертв, виновности непосредственных исполнителей и молчаливых свидетелей.

На современном этапе обсуждение Сребреницы вышло за границы «территории историка» и разворачивается в политической плоскости. Главным показателем «политизации Сребреницы» можно считать артикуляцию этого эпизода боснийской войны на государственном и надгосударственном уровнях – в виде принятия (или не принятия) законодательными органами специальных резолюций (или иных документов) о признании событий 11–13 июля 1995 г. геноцидом. Республика Сербская (РС) и частично Сербия прилагают усилия, чтобы оспорить данный нарратив: начиная с отказа Скупщины Сербии признать случившееся геноцидом и за-

канчивая демаршами руководства РС после включения в уголовный кодекс Боснии и Герцеговины статьи, предусматривающей наказание за отрицание геноцида.

В рамках данной статьи мы рассчитываем проследить «археологию» дискурса о «геноциде в Сребренице», а также описать место Сребреницы в «биографии» Республики Сербской (РС) и пути артикуляции этого «места антипамяти» элитами РС и Сербии.

В своих теоретических построениях мы будем опираться на концепции онтологической безопасности, «биографии государства», «мест памяти» и секьюритизации. Эмпирическую основу исследования составляют новостные и иные материалы СМИ, документы ООН, нормативно-правовые акты республики Боснии и Герцеговины (БиГ), Республики Сербской и других государств и интеграционных объединений.

Подробнее о методологии

Концепт «онтологической безопасности» восходит к работам Р. Лэйнга [Laing, 1960], психоаналитика и психотерапевта, одного из создателей «антипсихиатрии»; он ввел этот термин в научный оборот. В дальнейшем этот концепт был адаптирован социологом Э. Гидденсом [Giddens, 1991] для социальных акторов, а Дж. Хейсманс [Huysmans, 1998] впервые применил рассматриваемый термин в плоскости международных отношений. Таким образом, если для Р. Лэйнга «онтологическая безопасность» (применительно к личности) заключалась в способности ощущать свое присутствие в (социальном) мире как «реальное, живое, цельное и темпорально непрерывное» [Laing, 1960, p. 41] (что примерно сходится с определением Э. Гидденса), то Дж. Хейсманс подразумевал под онтологической безопасностью «упорядочивание хаоса» для макросоциальных акторов или «стратегию управления пределами рефлексивности путем закрепления социальных отношений в символическом и институциональном порядке» [Huysmans, 1998, p. 242].

В современных исследованиях (преимущественно конструктивистских) термин используется достаточно активно и обладает вариативностью определений: это и «рутинизация отношений со значимым другим» во имя «снижения степени неопределенности»

[Mitzen, 2006], и «совершение государствами некоторых действий, чтобы подтвердить свои представления о том, “кто они есть”» [Zarakol, 2010], и «процесс, имеющий дело с самоидентификацией, конструированием смыслов для “биографического нарратива”, с тем, как акторы решаются на определенные действия для обеспечения здорового видения себя другими... а также с тем, как это все влияет на место национального Я в международном контексте» [Steele, 2008, p. 6]. Резюмируем: концепт «онтологической безопасности» в международных отношениях помогает расширить фокус рассмотрения безопасности *per se* с традиционного физического измерения до чего-то большего: саморепрезентации государств, их «биографий» и, собственно, ощущения ими своего места в мире.

В данном контексте для целей нашего исследования представляется необходимым раскрыть содержание концептов «биография государства» и «место памяти». По Ф. Беренскоттеру, «биография государства» есть некий нарратив, «обозначающий переживаемое пространство (придающее смысл прошлому), переплетенное с воображаемым пространством (предающим смысл будущему) и очерченное через горизонты опыта и возможности соответственно» [Berenskoetter, 2014]. «Биография государства» позволяет сформировать «базовый дискурс» [Hansen, 2006], тем самым она «погружает» индивида в национальное самосознание [Deutsch, 1966, p. 170; Berenskoetter, 2014]. Эти положения отчасти пересекаются с идеями этносоциолога Б. Андерсона, рассматривавшего нацию как социально сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть. В стремлении «вписать» себя в некую большую (чем он сам), длительную по времени структуру, индивид с легкостью становится симпатизантом «биографии государства» [Anderson, 2006; Berenskoetter, 2014]. Таким образом, последняя оказывается одним из весьма действенных инструментов конструирования идентичности (а значит и поддержания онтологической безопасности).

Концепт «мест памяти» заимствуется нами из трудов французского историка П. Нора [Nora, 1989]. Относя к ним как материальные, так и нематериальные объекты, автор утверждал, что они позволяют сохранять память социальных групп о том или ином важном для социальной идентичности событии.

Сребреница (не только мемориал в Поточари, но и сам «эйдетический образ-локус»), несомненно, является полноценным

«местом памяти» (как минимум для боснийских мусульман). Соответственно, борьба против употребления слова «геноцид» в ассоциации со всем известным событием может быть представлена в нашем случае как «место антипамяти» – контрнарратив, важный для противостоящей социальной группы (в данном случае – для сербов). О сербском дискурсе (как в Республике Сербской, так и в Сербии) вокруг Сребреницы также написано немало работ, многие из них подтверждают наши догадки [Miller, 2006; Moll, 2013; Mujaj, 2017; Obradovic-Wochnik, 2009].

Обращение к наработкам Копенгагенской школы и концепции «секьюритизации» помогает объяснить механизм превращения того или иного нарратива в объект онтологической безопасности. Процесс секьюритизации разворачивается при наличии трех элементов: актора, референтного объекта и аудитории. Механика этого процесса выглядит так: актер пытается убедить аудиторию в том, «что угроза референтному объекту существует и заслуживает реагирования» [Buzan et al., 1998; Севастьянова, Ефременко, 2020] (в нашем кейсе референтный объект – Сребреница; точнее – «отрицание геноцида в Сребренице»). При этом секьюритизация может работать как на «принятие» новых объектов в обойму господствующего нарратива, так и на их «выбраковку» [Mäklsoo, 2015; Севастьянова, Ефременко, 2020] (что, собственно, и происходит в Республике Сербской с сюжетом про геноцид в Сребренице). Более того, доведенная до своего логического предела секьюритизация способна обернуться различными конфликтами – от «войн памяти» до реальных боевых столкновений (бесконечные кровавые конфликты на Балканах 1990-х годов можно считать яркой иллюстрацией тезиса).

Резюмируем: за счет подключения механизма секьюритизации то или иное событие (или шире – «место памяти») может оказаться объектом онтологической безопасности (т.е. стать равным по важности или даже важнее объектов безопасности физической). При этом процесс секьюритизации таит в себе (большой) конфликтный потенциал.

События в Сребренице и вокруг нее

11 июля 1995 г. Вооруженные силы Республики Сербской заняли Сребреницу – мусульманский анклав на территории Рес-

публики Сербской, объявленный за два года до этого «зоной безопасности» Советом Безопасности ООН. Это то небольшое, что представляется абсолютно бесспорным всем сторонам конфликта. В интересах же нашего исследования требуется произвести своего рода археологические изыскания в поле выстраивания нарратива о «геноциде в Сребренице».

Новость, с которой в западной прессе стала активно обсуждаться тема Сребреницы (New York Times, NYT), касалась высылки женщин, стариков и детей из анклава в сторону Тузлы¹. Одними из первых о преступлениях, совершенных сербами после взятия Сребреницы, тоже сообщили журналисты NYT: в статье от 14 июля 1995 г.² приводились интервью мусульманских беженцев, рассказывавших о трупах, лежащих на улицах, ночной стрельбе и убитых соседях. Новые свидетельства появились в NYT 17 июля³ и далее размещались там регулярно; BBC впервые сообщили о возможных преступлениях в Сребренице 15 июля⁴; Newsweek⁵ и Spiegel⁶ (как еженедельные СМИ) опубликовали свои статьи с описаниями преступлений сербов 23 июля. Даже эта небольшая выборка наглядно иллюстрирует ту высокую скорость, с которой

¹ Hedges C. Serbs Start Moving Muslims Out of Captured Territory // The New York Times. – 1995. – July 13. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/13/world/conflict-balkans-overview-serbs-start-moving-muslims-captured-territory.html> (accessed: 03.11.2022).

² Kinzer S. Muslims Tell of Atrocities in Bosnian Town // The New York Times. – 1995. – July 14. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/14/us/conflict-in-the-balkans-the-refugees-muslims-tell-of-atrocities-in-bosnian-town.html> (accessed: 03.11.2022).

³ Kinzer S. Bosnian Refugees' Accounts Appear to Verify Atrocities // The New York Times. – 1995. – July 17. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/17/world/conflict-balkans-refugees-bosnian-refugees-accounts-appear-verify-atrocities.html> (accessed: 03.11.2022).

⁴ Serbs force Muslims out of Srebrenica // BBC. – 1995. – July 15. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/july/15/newsid_3736000/3736438.stm (accessed: 03.11.2022).

⁵ So Much For The Vaunted 'Safe' Areas // Newsweek. – 1995. – July 23. – Mode of access: <https://www.newsweek.com/so-much-vaunted-safe-areas-184678> (accessed: 03.11.2022).

⁶ Flottau R. Ich küßte die Füße des Mörders // Der Spiegel. – 1995. – July 23. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/politik/ich-kuesste-die-fuesse-des-moerders-da435927-0002-0001-0000-000009204734> (accessed: 03.11.2022).

новость о преступлениях сербов в Сребренице облетела весь (западный) мир.

Словосочетание «этническая чистка» в отношении событий в Сребренице прозвучало из уст представителя Боснии и Герцеговины З. Мисича в ходе заседания Совета Безопасности (СБ) ООН 12 июля 1995 г. Впервые о вероятных беженцах из Сребреницы на этом же заседании упомянул представитель Хорватии М. Нобило¹. О «насильственных перемещениях» гражданских лиц из Сребреницы в Тузлу заявил председатель Совета Безопасности, представитель Гондураса Г. Мартинес Бланко 14 июля².

Впервые официальные заявления о многочисленных преступлениях против мирных жителей от чиновника ООН – спецпредставителя ООН по ситуации с правами человека в бывшей Югославии Т. Мазовецкого – прозвучали на пресс-конференции в третьей декаде июля, 25 июля в NYT вышла статья с этим материалом³. Мазовецкий оценивал число пропавших без вести очень приблизительно: прозвучала цифра «от 2 до 10 тыс. человек»⁴. На заседании СБ ООН по ситуации в БиГ 10 августа говорилось уже о 10 тыс. пропавших без вести человек, представительница США М. Олбрайт обвинила сербов в совершении «систематических убийств» мирных жителей⁵. 18 августа на заседании Подкомиссии по преду-

¹ 3553-е заседание СБ ООН, Ситуация в Боснии и Герцеговине // Система официальной документации ООН. – 1995. – 12 июля. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N95/856/83/pdf/N9585683.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

² Заявление Председателя Совета Безопасности // Система официальной документации ООН. – 1995. – 14 июля. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/209/98/pdf/N9520998.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

³ Bonner R.U.N. Official Accuses Serbs of 'Barbarous' Acts // The New York Times. – 1995. – July 25. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/1995/07/25/world/conflict-balkans-atrocities-un-official-accuses-serbs-barbarous-acts.html?searchResultPosition=70> (accessed: 03.11.2022).

⁴ Впоследствии Т. Мазовецкий уйдет в отставку в знак протеста против недостаточно жесткой реакции мирового сообщества на преступления сербов в Сребренице.

⁵ 3564-е заседание СБ ООН, Ситуация в Республике Боснии и Герцеговине // Система официальной документации ООН. – 1995. – 12 августа. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N95/858/28/pdf/N9585828.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

преждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН в Женеве уже прозвучала цифра в 7 тыс. заложников в Сребренице и Жепе, которые, как сообщалось со ссылками на свидетелей, были в большинстве своем мальчиками от 14 до 17 лет, многие из которых были казнены¹. 15 сентября на заседании СБ ООН представитель БиГ З. Мисич уточнил число пропавших без вести из Сребреницы до 8 тыс. человек². В настоящее время официальная версия о количестве погибших мирных граждан в Сребренице – именно 7–8 тыс. человек; заметим, что «каноническое» (для «западного» дискурса) число жертв установилось довольно быстро.

Впервые слово «геноцид» применительно к событиям в Сребренице прозвучало в письме на имя Генерального секретаря и Председателя СБ от представителя Марокко – в его письме было передано Сообщение для печати Совещания на уровне министров Контактной группы Организации Исламская конференция по Боснии и Герцеговине от 21 июля 1995 г. Министры иностранных дел решительно осудили «вторжение сербов в безопасный район Сребреницы, а также их нападения на другие безопасные районы и совершение актов геноцида...»³. Затем, только через месяц, 18 августа, Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств КПЧ ООН отметила в преамбуле своей резолюции, что была «потрясена актами геноцида, совершенными мятежными сербами в Боснии и Герцеговине, и свидетельствами, указывающими на массовые расправы над мусульманским насе-

¹ Summary record of the 16th meeting, Sub-commission on prevention of discrimination and protection of minorities, Commission on human rights // UN Official Document System. – 1995. – August 18. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G95/134/16/pdf/G9513416.pdf?OpenElement> (accessed: 03.11.2022). – p. 27.

² 3578-е заседание СБ ООН, Ситуация в Республике Боснии и Герцеговине // Система официальной документации ООН. – 1995. – 15 сентября. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N95/859/89/pdf/N9585989.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

³ Идентичные письма временного поверенного в делах Постоянного представительства Марокко при Организации объединенных наций от 25 июля 1995 года на имя Генерального секретаря и Председателя Совета безопасности // Система официальной документации ООН. – 1995. – 25 июля. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/221/43/pdf/N9522143.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022).

нием...» Жепы и Сребреницы¹. 16 ноября 1995 г. (за пять дней до парафирования Дейтонских соглашений) Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) впервые выдвинул лидерам боснийских сербов – Р. Караджичу и Р. Младичу – обвинения в геноциде «в связи с их непосредственной и личной ответственностью за жестокие преступления, совершенные против боснийского мусульманского населения Сребреницы в июле 1995 г.»². Первый приговор МТБЮ по геноциду в Сребренице был вынесен сербскому генералу Р. Крстичу (который непосредственно командовал Дринским корпусом, участвовавшим в тех преступлениях) через шесть лет – 2 августа 2001 г.³ После этого можно считать (уже даже не принимая во внимание специальный вердикт Международного суда ООН от 2007 г.), что события в Сребренице официально были признаны геноцидом.

Необходимо отметить еще одну важную деталь. Для западного дискурса характерна генерализация всех сербов [Mehler, 2012]: несмотря на то, что военные преступления июля 1995 г. совершались боснийскими сербами под управлением официальных лиц Республики Сербской и не имели практически никакого отношения к режиму С. Милошевича (по крайней мере, Белград тогда отказывался брать на себя какую-либо вину; впоследствии было установлено лишь, что Сербия оказывала РС финансовую помощь, но не управляла ими, а также установлено участие в массовом убийстве отряда «Скорпионы», подведомственного Министерству внутренних дел Сербии [Dragović-Soso, 2012]), все действия сер-

¹ Резолюция Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите населения Комиссии по правам человека ООН «Положение на территории бывшей Югославии» // Система официальной документации ООН. – 1995. – 18 августа. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G95/137/86/pdf/G9513786.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022). – с. 6–9.

² Доклад Генерального Секретаря, представленный во исполнение резолюции 1019 (1995) Совета безопасности, о нарушениях норм международного гуманитарного права в районах Сребреницы, Жепы, Баня-Луки, Сански-Моста // Система официальной документации ООН. – 1995. – 27 ноября. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/372/29/pdf/N9537229.pdf?OpenElement> (дата посещения: 03.11.2022). – с. 15.

³ Prosecutor v. Radislav Krstic // International tribunal for the prosecution of persons responsible for serious violations of international humanitarian law committed in the territory of Former Yugoslavia since 1991. – August 2. – Mode of access: <https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf> (accessed: 03.11.2022).

бов (в силу того, что совершались «от имени сербского народа») в «западном» восприятии носят коллективный характер и относятся ко всем сербским политиям – и к РС, и к Сербии. В литературе [Mehler, 2012; Moll, 2013; Mulaj, 2017] отмечается, что носителем мифа о «виктимности» сербов, собственно, является весь сербский народ, населяющий как Сербию, так и РС и некоторые другие страны; другими словами, ни Сербия, ни РС не формируют какой-то свой отдельный нарратив, касавшийся бы сербов как единой этнической группы. Тем не менее сербские политии представляют собой сепарированные политические системы и, собственно, общества, которые в настоящее время самостоятельно (на процедурном уровне) пытаются отразить это прошлое.

Итак, «западный» дискурс по Сребренице, который включил в себя представление о событиях июля 1995 г. как о геноциде боснийских мусульман с 8 тыс. жертв, сложился в течение шести лет с момента трагедии и прошел путь от очерков в СМИ до приговоров МТБЮ. В формировании этой оценки произошедшего приняли участие как СМИ (распространявшие свидетельства очевидцев-потерпевших), так и официальные представители государств при различных организациях (в основном при ООН). Правовое закрепление этой оценки завершил приговор МТБЮ сербскому генералу Р. Крстичу. Западный дискурс характеризует генерализация сербов, перенесение вины за военные преступления отдельных военных формирований на весь сербский народ.

«Резолюционное движение»: «западная» секьюритизация нарратива о Сребренице

Выстраивание нарратива о геноциде на государственном уровне осуществлялось следующим образом. В 2005 г. Палата представителей США приняла резолюцию, признававшую события в Сребренице геноцидом¹, в 2009 г. подобную резолюцию

¹ Expressing the sense of the House of Representatives regarding the massacre at Srebrenica in July 1995 // GovTrack.us. – 2005. – June 27. – Mode of access: <https://www.govtrack.us/congress/bills/109/hres199/text> (accessed: 03.11.2022).

принял Европарламент¹. Счесть подобный шаг простым «морализаторством» было бы неуместным упрощением – это был финал большой общественной работы, включавшей в себя не только возложение вины непосредственно на сербов, но и признание отдельной ответственности «западного» и всего мирового сообщества (в том числе и ООН²), оказавшегося не способным сделать институт «зон безопасности» действенным для защиты мирных жителей. Особую роль в этом процессе сыграло гражданское общество в Нидерландах – там на официальном уровне признали (частичную) вину миротворцев, которые не смогли предотвратить трагедию июля 1995 г.³ И в этом смысле ожидания «западного сообщества» признания от сербов именно «геноцида» выглядят вполне оправданными.

Остановимся подробнее на сюжете с резолюцией Европарламента 2009 г. Новизна этой резолюции заключается в установлении 11 июля в качестве памятной даты «геноцида в Сребренице» для всего Евросоюза. При этом все «директивы» этого документа реплицируют положения резолюции 2005 г., принятой в честь десятилетней годовщины трагедии в Сребренице (несмотря на то, что в той резолюции события в Сребренице пока еще квалифицировались как «резня» (*massacre*), а определение «геноцид» давалось только в преамбуле (пункты С и G) и только со ссылками на мнение и приговоры МТБЮ).

Подобное пристальное внимание к памяти о событиях в Сребренице говорит о том, что оно превращено и в «императив памяти» [Mehler, 2017]: память о Сребренице деконтекстуализируется от конкретных интерпретаций прошлого и переконтекстуализируется в пользу универсальных рамок интерпретации. Здесь

¹ European Parliament resolution of 15 January 2009 on Srebrenica // European Parliament. – 2009. – January 15. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0028_EN.html?redirect#def_1_1 (accessed: 03.11.2022).

² Report of the Secretary-General pursuant to General Assembly resolution 53/55. The fall of Srebrenica // UN Official Document System. – 1999. – November 18. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/348/76/img/N9934876.pdf?OpenElement> (accessed: 03.11.2022). – P. 101–108.

³ Хороший обзор по теме: van de Bildt J. Srebrenica: A Dutch national trauma // Journal of Peace, Conflict & Development. – 2015. – March. – N 21. – Mode of access: <https://dayan.org/content/srebrenica-dutch-national-trauma-journal-peace-conflict-development-21> (accessed: 03.11.2022).

скрыт большой конфликтный потенциал, который в какой-то степени определяет оборонительные дискурсивные действия как РС, так и Сербии.

Рассмотрим более детально «директивы» ЕС. Увязка проблемы «правосудия» в сфере военных преступлений проистекает, как минимум, с саммита ЕС – Западные Балканы 2003 г. в Салониках. В итоговой декларации саммита отмечено, что «обеспечение правосудия по военным преступлениям является правовым, политическим и моральным императивом для всех нас», а также что «фрагментация и разломы по этническим линиям не соответствуют европейскому видению»¹. В резолюции Европарламента о состоянии региональной интеграции на Западных Балканах (2005) в отношении Боснии и Герцеговины и Республики Сербской отмечалась важность «полного сотрудничества с МТБЮ в деле преследования лиц, осужденных за военные преступления»; в отношении Сербии и Черногории (которые были единым государством до 2006 г.) Европарламент «ожидал от сербских властей ускорения сотрудничества с МТБЮ»².

В резолюции Европарламента по Сребренице 2005 г. «директивная» линия была значительно расширена. В ней говорится о том, что «Европейская интеграция должна... способствовать развитию общего понимания их [стран Западных Балкан] трагического прошлого и созданию основы для лучшего будущего». При этом в резолюции содержатся и оценочные пассажи, которые проливают свет на то, каким именно ЕС видит общее понимание прошлого у западнобалканских стран: «Европейский парламент глубоко сожалеет, что Сербский парламент не смог принять резолюцию, признававшую и формально осуждавшую резню в Сребренице» (эта мера оценивается среди прочего как шаг в сторону «примирения и мирного разрешения проблем региона»), а также: «Европейский парламент решительно призывает прави-

¹ EU-Western Balkans summit declaration (Thessaloniki, 21 June 2003) // European Council. – 2003. – June 21. – Mode of access: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/76291.pdf (accessed: 03.11.2022).

² European Parliament resolution on the state of regional integration in the western Balkans // European Parliament. – 2005. – April 14. – Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0131_EN.html (accessed: 03.11.2022).

тельство Сербии принять меры для того, чтобы поставить народ перед лицом своего прошлого и ограничить поклонение героям, осужденным как военные преступники». В этом свете допустимо считать, что дальнейшая интеграция в ЕС (даже с учетом того, что резолюции Европарламента не имеют обязательной юридической силы) увязывается с проблемой оценки исторического прошлого (т.е. с проблемами онтологической безопасности). Мы рассматриваем здесь довольно четкий и недвусмысленный посыл: ЕС требует принять «европейскую» точку зрения на прошлое в обмен на возможность дальнейшей интеграции стран Западных Балкан.

В резолюции Европарламента по Сребренице 2009 г. этот месседж звучал отчетливее: «полное и неограниченное сотрудничество с МТБЮ остается основным требованием для дальнейшего продолжения процесса интеграции в ЕС для стран Западных Балкан». Также было отмечено, что «институционализация дня памяти является лучшим способом отдать дань памяти жертвам массовых убийств и послать четкий сигнал будущим поколениям». Многие страны Западных Балкан последовали примеру Европарламента и приняли свои специальные парламентские резолюции по коммеморации «геноцида в Сребренице»: Хорватия и Черногория – в 2009 г., Македония – в 2010 г., Косово – в 2021 г., Албания – в 2022 г. Тем не менее, в ЕС из этих стран приняли пока только Хорватию.

Официальные извинения, которые принесли Республика Сербская в 2004 г.¹ и Сербия в 2010 г.², определения событий в Сребренице как «геноцида» не содержали. Для Сербии в этом плане характерен некий компромисс между стремлением Белграда к евроинтеграции и разделяемым частью общества мифом о сербской виктимности [Dragović-Soso, 2012; Mehler, 2012]. И несмотря на то что основное бремя вины за Сребреницу легло на РС, и Сербия, неся частичную ответственность за эти преступления (необходимо принимать во внимание хотя бы эпизод с участием сербского отряда

¹ Bosnian Serbs issue apology for massacre // Bosnia Report. – 2004. – November 11. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20110607144917/http://www.bosnia.org.uk/bosrep/report_format.cfm?articleid=1147&reportid=166 (accessed: 03.11.2022).

² Deklaracija Narodne skupštine Republike Srbije o osudi zločina u Srebrenici // Radio Slobodna Evropa. – 2010. – March 31. – Mode of access: https://www.slobodnaevropa.org/a/Skupstina_Srbije_Deklaracij_Srebrenica/1998622.html (accessed: 03.11.2022).

«Скорпионы»), тоже считает превращение Сребреницы в «императив памяти» угрозой своей онтологической безопасности.

В рамках ООН распространение западной точки зрения на события в Сребренице также остановилось. Так, резолюция СБ ООН от 2015 г., содержащая тезисы об осуждении «геноцида в Сребренице», была ветоирована представителем России (в том числе, как передают СМИ, и по просьбе сербской стороны¹).

Итак, принятие западными странами резолюций по Сребренице означает закрепление этих событий в качестве «императива памяти». ЕС увязал этот императив с вопросом дальнейшей интеграции стран Западных Балкан. Резолюция сербского парламента 2010 г. стала вынужденным компромиссом между стремлением в ЕС и сохранением нарратива о виктимности сербов.

«Дело» Республики Сербской против геноцида

Республика Сербская приняла курс «против геноцида» не сразу. В 2003 г. в память жертв «резни» был открыт мемориал в Поточари (недалеко от Сребреницы – правда, при деятельном участии бывшего президента США Б. Клинтона) – его можно признать «местом памяти». В 2004 г., как уже отмечалось ранее, власти Республики Сербской принесли официальные извинения.

В 2010 г. тогдашний премьер-министр РС М. Додик официально заявил, что события в Сребренице не были геноцидом². По его словам, «если и был геноцид, то против живущих здесь сербов» (и в этой цитате заложен тот же посыл, что и сегодня актуализирован в «биографическом нарративе» Республики Сербской). Последним заметным событием, связанным с коммеморацией трагедии в Сребренице, стал демарш руководства Республики Сербской после вступления в силу поправок в Уголовный кодекс Боснии и Герцеговины, предусматривавших наказание за отрицание геноцида. Автор поправки – Высокий представитель ООН по Бос-

¹ Россия наложила вето в Совбезе ООН на резолюцию о геноциде в Сребренице // РБК. – 2015. – 8 июля. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2015/559d42039a7947eb38823e2c> (дата посещения: 03.11.2022).

² Srebrenica massacre 'not genocide' // The Sydney morning herald. – 2010. – July 13. – Mode of access: <https://www.smh.com.au/world/srebrenica-massacre-not-genocide-20100713-1083q.html> (accessed: 03.11.2022).

нии и Герцеговине Валентин Инцко; он внес эти изменения за несколько дней до официального окончания срока своих полномочий. Власти Республики Сербской отреагировали особо остро: бывший президент РС, член Президиума БиГ от сербов Милорад Додик даже назвал это «концом Боснии и Герцеговины»¹. Солидарность с борьбой РС против новой статьи в Уголовном кодексе БиГ выразили Баня-Луке и в Белграде², и даже в Москве³.

Сребреница постепенно начала превращаться в место «анти-памяти» для сербов – пространство, которое напоминает о вине сербского народа перед боснийскими мусульманами, а потому трансформируется в дискурсе «виновной стороны» в замалчиваемое и «негативно-институционализированное» (в силу сознательной и последовательной политики Баня-Луки по «отмене» геноцида в Сребренице [Mulaj, 2017; Obradovic-Wochnik, 2009]).

С нашей точки зрения, нежелание РС признавать геноцид следует рассматривать как результат процесса секьюритизации этой темы, а представление о необходимости отрицания геноцида в Сребренице – в качестве элемента онтологической безопасности РС.

Попробуем описать место памяти о Сребренице в «биографии» Республики Сербской.

1. Представление о «геноциде», совершенном сербами, сильно контрастирует с официальным нарративом о «виктимности» сербов [Stojanović, 2011; Mehler, 2012]. В «биографию» сербского народа включен активно культивируемый миф о «жертвенности» сербов (по крайней мере, в РС – рассмотрим, например, список памятных дат, утвержденных Правительством РС⁴: большинство из них – годовщины преступлений против сербов); сле-

¹ Додик заявил, что у Боснии и Герцеговины нет шансов как у государства // ТАСС. – 2021. – 10 августа. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12097531> (дата посещения: 03.11.2022).

² Цвијановић: На састанку са Вучићем манифестовано јединство (ВИДЕО) // РТРС. – 2021. – Август 8. – Mode of access: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=440813> (accessed: 03.11.2022).

³ Милорад Додик заявил, что готов скорее сесть в тюрьму, чем признать геноцид в Сребренице // ТАСС. – 2021. – 12 августа. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12113623> (дата посещения: 03.11.2022).

⁴ Важнији датуми у РС // Борачка организација Републике Српске. – Б. г. – Режим доступа: <http://borackars.org/vazniji-datumi-u-rs/?lang=lat> (дата посещения: 03.11.2022).

довательно, любое положение о том, что сербы не являются жертвами, потенциально может быть «отбраковано» (это рифмуется с представлениями о секьюритизации исследователя М. Мальксоо [Mälksoo, 2015]). Здесь также может быть скрыт еще один аналитический пласт: секьюритизация исторических нарративов может быть одним из элементов гибридной войны [Севастьянова, Ефременко, 2020]. И страны «Запада» (США + ЕС), запустившие секьюритизацию нарратива о геноциде в Сребренице, по сути, запустили и маховик «дилеммы мнемонической безопасности», который на современном этапе раскручивают, в свою очередь, элиты в Республике Сербской.

Выделим каналы деконструкции положения о «геноциде в Сребренице»:

1) преуменьшение количества жертв (вспомним, как минимум, скандальные отчеты Республики Сербской¹ по расследованиям преступлений в Сребренице, где отмечалось, что многие из мусульман были убиты «в боях» как военнослужащие);

2) аргумент о «недостаточности фактов» для проведения расследования (этот тезис, *à propos*, полностью перекрывает предыдущий, поскольку дискредитирует всю работу Республики Сербской по расследованию этих преступлений; однако он оказался настолько универсальным, что его используют как всемирно известные эксперты – от Н. Хомского² до Е.Ю. Гуськовой³, – так и правительства: напомним, Россия ветировала резолюцию о геноциде в Сребренице именно с мотивировкой о необходимости «расследования всех преступлений»⁴); а также

¹ Вот один из них: Report about case Srebrenica (First part) // Slobodan Milosevic website. – 2002. – Mode of access: www.slobodan-milosevic.org/documents/srebrenica.pdf (accessed: 03.11.2022).

² Čomski N. U Srebrenici se nije dogodio genocid // Nova srpska politicka misao. – 2010. – February 27. – Mode of access: <http://www.nspm.rs/istina-i-pomirenje-na-ex-yu-prostorima/u-srebrenici-se-nije-dogodio-genocid.html> (accessed: 03.11.2022).

³ «Сребреница давно стала совершенно политическим понятием» // Коммерсантъ. – 2015. – 9 июля. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2764212> (дата посещения: 03.11.2022).

⁴ Россия наложила вето на резолюцию СБ ООН по Сребренице // ТАСС. – 2015. – 8 июля. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2103772> (дата посещения: 03.11.2022).

3) отрицание подлинности событий в Сребренице посредством разговоров об инсценировках и проч.¹

С точки зрения подчеркивания «виктимности» сербов показательна риторика самих сербских официальных лиц. Цитата министра внутренних дел Сербии А. Вулина: «Запад требует от Сербии признать... события в Сребренице геноцидом» в обмен на возможность «немного быстрее ползти в ЕС»² (что в целом вполне соответствует действительности в свете рассмотренных нами ранее европейских подходов к оценке исторического прошлого). Репродукция мифа о виктимности идет и другими путями: через инсинуации в СМИ, например (в качестве иллюстрации приведем новость официального государственного СМИ Республики Сербской – РТРС – о том, что якобы всех, кто посещает мемориал в Поточари, обязуют подписать петицию о согласии называть события в Сребренице «геноцидом»³). Заметим также, что сообщения о санкциях против высших официальных лиц Республики Сербской таким же образом можно интерпретировать в духе «виктимности». И заметим еще одну важную деталь: представление о Сребренице как о «месте памяти» геноцида мусульман 1995 г. стараются заместить контрнарративом, проводя панихиды по сербским жертвам усташской резни в Сребренице 1943 г.⁴, включая в памятные даты Республики Сербской годовщину «страданий сер-

¹ Самое яркое – монография о «виртуальном геноциде в Сребренице»: Сребреница: деконструкция једног виртуелног геноцида: Srebrenica: the deconstruction of a virtual genocide / Стефан Каргановић, Љубиша Симић; Фонд «Ист. пројекат Сребреница», Холандија. – Београд: Ист. пројекат Сребреница, 2011. – 272 р.

² В Сербии прокомментировали срыв визита в Белград главы МИД РФ Сергея Лаврова // ТАСС. – 2022. – 12 июня. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14891017> (дата посещения: 03.11.2022).

³ (ISPRAVKA) Posetioci Potočara ne moraju da stave potpis na “genocide” // Večernje novosti. – 2022. – June 6. – Mode of access: <https://www.novosti.rs/vesti/politika/1126119/novosti-saznaju-potpis-genocid-ulazak-potocare> (accessed: 03.11.2022).

⁴ Сребреница: Служен парастос српским жртвама усташких злочина // РСТС. – 2022. – 13 июня. – Режим доступа: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=476745> (дата посещения: 03.11.2022).

бов Подриња»¹ (12 июля) в память о 69 погибших сербах в населенных пунктах около Сребреницы и Братунаца в результате захвата Сребреницы боснийскими силами в 1992 г.

Элиты РС на законодательном уровне также пытаются добиться секьюритизации своего контрнарратива: имеем в виду законопроект о «запрещении злоупотребления термином “геноцид”»².

2. Непосредственные участники тех событий со стороны сербов, а в особенности их лидеры – Ратко Младич и Радован Караджич – остаются в дискурсе «героями сербского сопротивления», «борцами за правду». Этой точки зрения придерживаются элиты Республики Сербской – в частности, М. Додик говорил о том, что Младич «воин, а не преступник»³. При этом поддержка Младичу и Караджичу оказывается и «снизу», как в самой РС (например инициативными группами вывешиваются транспаранты с их именами и надписями «герои»⁴), и даже в России (ведется переписка инициативных групп россиян с Младичем⁵; известен эпизод, когда футбольные фанаты «Зенита» вывесили транспарант с надписью «Ратко Младич – герой Сербии!»⁶). Впрочем, нельзя оценить точно, насколько в действительности широка поддержка бывших лидеров РС среди «сербского народа» – активное тиражирование сообщений про них в местных проправительственных

¹ U Bratuncu obeležena 29. godišnjica stradanja Srba iz srednjeg Podrinja // Danas. – 2021. – July 10. – Mode of access: <https://www.danas.rs/vesti/drustvo/u-bratuncu-obelezena-29-godisnjica-stradanja-srba-iz-srednjeg-podrinja/> (accessed: 03.11.2022).

² Завршена расправа о Приједлогу закона о забрани злоупотребе појма геноцид // РСТС. – 2022. – 9 марта. – Режим доступа: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=466223> (дата посещения: 03.11.2022).

³ Ratko Mladić je vojnik, a ne zločinac // Atv Televizija. – 2021. – June 6. – Mode of access: <https://www.atvbl.rs/vijesti/drustvo/ratko-mladic-je-vojnik-ne-zlocinac-6-6-2021> (accessed: 03.11.2022).

⁴ RATKO MLADIĆ JE HEROJ: Podrška za generala u Trebinju, razvijena zastava sa njegovim likom // Večernje novosti. – 2021. – June 8. – Mode of access: <https://www.novosti.rs/republika-srpska/vesti/1005061/ratko-mladic-heroj-podrska-general-a-trebinju-razvijena-zastava-njegovim-likom> (accessed: 03.11.2022).

⁵ Сазонова О. Герой и мученик: почему в России так любят генерала Ратко Младича? // Балканист. – 2019. – 9 ноября. – Режим доступа: <https://balkanist.ru/geroj-i-muchenik-pochemu-v-rossii-tak-lyubyat-general-a-ratko-mladicha/> (дата посещения: 03.11.2022).

⁶ УЕФА казнила Зенит због транспарента подршке генералу Младичу // РСТС. – 2017. – 8 декабря. – Режим доступа: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=281236> (дата посещения: 03.11.2022).

СМИ (а также опусы «разоблачения западной пропаганды»¹) могут создавать *bandwagon*-иллюзию для наблюдателей извне. При этом такую активную работу СМИ можно расценить и как индикатор принадлежности тезиса о героизации бывших лидеров РС к секьюритизируемой «биографии». Заметим: признание их «мучениками» и отрицание их преступлений лежат в единой дискурсивной плоскости «виктимности» сербов. Вышеописанные факты даже добавляют новые краски к рассматриваемой ситуации: отрицание геноцида могло быть вызвано не только экзогенными (давлением со стороны ЕС, США и проч.), но и эндогенными факторами (существованием широкой поддержки «героев войны» в обществе, которым пользуются «политические антрепренеры», такие как М. Додик). Впрочем, поддержка Младича и Караджича могла быть вызвана и другими экзогенными факторами – их арестом и процессом против них в МТБЮ.

3. Легитимность существования Республики Сербской основана на Дейтонских соглашениях 1995 г. (об этом говорит, например, и официальный статус праздника в РС у даты парафирования этих соглашений – 21 ноября²). Закрепление нарратива о «геноциде» может размывать легитимность РС: признание вины подтвердит, что сами сербы считают преступными те основания, на которых в 1995 г. закрепила свое существование автономная Республика Сербская. При этом мы можем наблюдать странный парадокс: демарши Баня-Луки, направленные на ревизию Дейтона, его же и цементируют – разница в подходах к оценке событий в Сребренице позволяет рассчитывать на долгое существование двух сепарированных друг от друга энтитетов внутри Боснии и Герцеговины.

Подобную «игру в непризнание» допустимо рассматривать как особую форму политического торга: под знаменем борьбы с «несправедливостью против сербского народа» могут «выторговываться» некоторые уступки в сторону большей автономии Баня-Луки от Сараева. Данную гипотезу подтверждают сообщения о

¹ Например, этот: AFP: Radovan Karadžić – čovjek sa hiljadu lica // RSTS. – 2019. – March 20. – Mode of access: <https://lat.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=330420> (accessed: 03.11.2022).

² Закон о празницима Републике Српске // Службени гласник Републике Српске. – 2017. – 30 мая. – Режим доступа: https://rgurs.org/uploads/laws/24_1.%20Закон%20о%20празницима%20Републике%20Српске.pdf (дата посещения: 03.11.2022).

намерении РС создать свою армию или сепаратную судебную систему, а также призывы высокопоставленных лиц к выходу РС из состава БиГ. При этом, как ни парадоксально, РС продвигает своими действиями и большую самостоятельность всей Боснии и Герцеговины. Несогласие Бая-Луки с назначением нового Высокого представителя ООН по делам БиГ К. Шмидта допустимо интерпретировать как шаг в сторону расширения суверенитета БиГ.

Таким образом, «фактор Сребреницы» все еще оказывает значительное влияние на ситуацию на Балканах, тем более с учетом неопределенности будущего единой Боснии и Герцеговины в условиях сегодняшних масштабных геополитических реконфигураций. Это может загнать РС в ловушку: обеспечение онтологической безопасности обострит проблему безопасности физической – особенно в случае превращения «войн памяти» в реальные боевые столкновения.

Выводы

Итак, проведенный краткий анализ позволяет представить следующие ответы на сформулированные во введении к статье исследовательские вопросы.

1. Нами была прослежена «археология» «геноцидального нарратива» о Сребренице в материалах СМИ, документах ООН, нормативно-правовых актах и официальных докладах различных государств. «Западный» дискурс не только подчеркивает общую вину сербов в совершении «геноцида», но и признает собственную вину за допущение этих страшных событий. При этом «западная» оценка событий в Сребренице стала политическим рычагом для ЕС, пытающегося увязать дальнейшую интеграцию стран Западных Балкан (и в частности Сербии) с их отношением к историческому прошлому.

2. Сребреница стала местом «анти-памяти» в силу последовательной и целенаправленной политики руководства РС по «отмене» геноцида. Эта борьба, впрочем, похожа на противостояние «республиканских элит» в позднем СФРЮ; «цементирование нарратива» через публичные высказывания, официальные заключения расследований, а также нормативно-правовые акты во имя обеспечения онтологической безопасности может привести как к некото-

рым тактическим победам (= «уступкам» центра), так и к крупным поражениям (= обострению конфликтности, началу реальных военных столкновений).

3. Сребреница как место «страданий сербов» занимает важное место в «биографии» Республики Сербской и сербского народа в целом; впрочем, страшные события июля 1995 г., на восприятии которых мы фокусировали свое исследование, превращены в «биографии» из эпизода «вины» в новый эпизод «виктимности». В рамках исторического нарратива РС акцентируется, что сербы тоже страдали в Сребренице: во время войны в 1990-х от рук боснийцев, во время Второй мировой войны – от рук хорватов-усташей. Признание «геноцида» и включение его в «биографию» серьезно пошатнет образ «сербов-страдальцев» (и размоет саму «биографию», сильно ударив по «онтологической безопасности» сербов), что пока совсем не отвечает интересам элит РС (и, в общем-то, элит Сербии).

D.O. Rastegaev*

**«Anti-memory space»: Srebrenica narrative
in the structure of ontological security of the Republika Srpska**

Abstract. This article attempts to trace the «archaeology» of the discourse on «genocide in Srebrenica» and to assess the significance of the memory of Srebrenica in the «biography» of Republika Srpska (and Serbia). The «Western» vision of the Srebrenica events deals with the definition of «genocide», which was finalized in the verdicts of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), as well as an estimate of the number of victims of the war crime – 8,000 people. The discourse on the «genocide in Srebrenica» also became a political lever for the European Union to embrace the countries of the Western Balkans. Despite this, the «Western» view of the Srebrenica tragedy is now actively and purposefully denied in Republika Srpska (and Serbia). We conclude that Banja Luka (and Belgrade) have pursued a policy of presenting Srebrenica as an «anti-memory space»: the counternarrative (challenging the «Western» perspective) has become a full-fledged object of securitization, and the idea of «genocide denial» has become an object of ontological security for Republika Srpska and Serbia. The article provides reasons explaining the transition to this type of «memory politics» and concludes about the scale of conflict lurking in a possible «mnemonic

* **Rastegaev Daniil**, Lomonosov Moscow State University; INION (Moscow, Russia), e-mail: rastegaev.2000@mail.ru

security dilemma» around the discourse on Srebrenica. Through the efforts of the elites of Republika Srpska and Serbia (and personally M. Dodik), the events of 1995 in Srebrenica were incorporated into the narrative of Serb «victimhood»: the memory of war crimes committed by Serbs is replaced by the articulation of episodes related to war crimes committed against Serbs. At the same time, the narrative of Srebrenica is also articulated as a political lever for Banja Luka to achieve a greater degree of independence from Sarajevo.

Keywords: ontological security; securitization; Srebrenica; genocide; Republika Srpska; Serbia; EU.

For citation: Rastegaev D.O. «Anti-memory space»: Srebrenica narrative in the structure of ontological security of the Republika Srpska. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 315–337. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.14>

References

- Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. London: Verso, 2006, 240 p.
- Berenskoetter F. Parameters of a national biography. *European journal of international relations*. 2014, Vol. 20, N 1, P. 262–288. DOI: <https://doi.org/10.1177/2F1354066112445290>
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A new framework for analysis*. London: Lynne Rienner, 1998, 239 p.
- Deutsch K.W. *Nationalism and social communication: an inquiry into the foundations of nationality*. Cambridge: MIT Press, 1966, 292 p.
- Dragović-Soso J. Apologising for Srebrenica: the declaration of the Serbian parliament, the European Union and the politics of compromise. *East European Politics*. 2012, Vol. 28, N 2, P. 163–179. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/21599165.2012.669731>
- Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford university press, 1991, 256 p.
- Hansen L. *Security as practice: discourse analysis and the Bosnian War*. London: Routledge, 2006, 288 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203236338>
- Huysmans J. Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European journal of international relations*. 1998, Vol. 4, N 2, P. 226–255. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066198004002004>
- Laing R.D. *The divided Self: an existential study in sanity and madness*. Harmondsworth: Penguin, 1960, 224 p.
- Mäklsoo M. «Memory must be defended»: beyond the politics of mnemonical security. *Security dialogue*. 2015, Vol. 46, N 3, P. 221–237. DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>
- Mehler D. Understanding normative gaps in transitional justice: the Serbian discourse on the Srebrenica Declaration 2010. *Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe*. 2012, Vol. 11, N 4, P. 127–156.

- Mehler D. The last 'never again'? Srebrenica and the making of a memory imperative. *European review of history: Revue européenne d'histoire*. 2017, Vol. 24, N 4, P. 606–630. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/13507486.2017.1307812>
- Miller P.B. Contested memories: the Bosnian genocide in Serb and Muslim minds. *Journal of Genocide research*. 2006, Vol. 8, N 3, P. 311–324. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14623520600950054>
- Mitzen J. Ontological security in world politics: state identity and the security dilemma. *European journal of international relations*. 2006, Vol. 12, N 3, P. 341–370. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354066106067346>
- Moll N. Fragmented memories in a fragmented country: memory competition and political identity-building in today's Bosnia and Herzegovina. *Nationalities Papers. The journal of nationalism and ethnicity*. 2013, Vol. 41, N 6, P. 910–935. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.768220>
- Mulaj K. Genocide and the ending of war: Meaning, remembrance and denial in Srebrenica, Bosnia. *Crime, law and social change*. 2017, Vol. 68, N 1–2, P. 123–143. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10611-017-9690-6>
- Nora P. Between memory and history: Les lieux de mémoire. *Representations*. 1989, N 26, P. 7–24.
- Obradovic-Wochnik J. Knowledge, acknowledgement and denial in Serbia's responses to the Srebrenica massacre. *Journal of contemporary European studies*. 2009, Vol. 17, N 1, P. 61–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14782800902844719>
- Sevastyanova Ya.V., Efremenko D.V. Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 66–86. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03> (In Russ.)
- Steele B. *Ontological security in international relations: Self-identity and the IR state*. New York: Routledge, 2008, 244 p.
- Stojanović D. Value changes in the interpretations of history in Serbia. In: Listhaug O., Ramet S., Dulić D. (eds). *Civic and uncivic values Serbia in the post- Milošević era*. Budapest: Central European university press, 2011, P. 221–240.
- Zarakol A. Ontological (in)security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan. *International relations*. 2010, Vol. 24, N 1, P. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047117809359040>

Литература на русском языке

- Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 66–86. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>